

Посвящается Давлату
Худоназарову

ИЛИ ОНИ [МЫ?] НАПРАСНО ЖИЛИ?
МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ "РАССКАЗЫ О КОММУНИСТАХ" ЕВГЕНИЯ ПОПОВА
(С ЭПИЛОГОМ О ЕЛЬЦИНЕ)

Григорий Фрейдин
Стэнфордский университет

Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя! Дай мне имя!
Мне будет легче с ним, пойми
меня,
В беременной глубокой сини.

О. Мандельштам
Природа -- сфинкс. И тем она
верней
Своим искусом губит человека,
Что, может случиться, никакой от
века
Загадки нет и не было у ней.

Ф. Тютчев

1. Морская болезнь¹

Начну еще с одной цитаты. "Некий философ, проживая на казенной даче и отдыхая вечером в беседке от трудов перестройки, решил под шорох цикад задуматься о коммунистах -- кто они такие, куда идут, откуда появились на нашей земле, зачем, за что?..." Этими словами начинается одна из последних публикаций Евгения Попова Ресторан "Березка" (Поэма и Рассказы о коммунистах).² На шестом году перестройки, когда, казалось бы, всех уже давно вывели на чистую воду, вопрос этот неожиданно заинтриговал многих. Еще более злободневным стал во время нынешней предвыборной кампании на пост Президента РСФСР, когда Немезида советских коммунистов Б.Н. Ельцин, покинувший ленинскую партию на ее последнем, XXVIII съезде, избрал в кандидаты на пост Вице-президента Александра Руцкого,

"коммуниста за демократию", по сей день пребывающего в рядах КПСС.

Действительно, вопрос не праздный. От ответа на него зависит самоопределение вопрошающего, т.е., в какой-то степени каждого советского (?) человека. Ведь это правда, что, как теоретически, так и практически, коммунистическая партия, именно Партия с большой буквы прочно сросшаяся с государством, служила категорией последней инстанции -- тем смыслообразующим абсолют, по отношению к которому определял себя и народ в целом, и отдельные его представители. У знатока советской жизни в наглядных примерах недостатка нет. Стоит лишь оживить в памяти ушедший в небытие старорежимный, а теперь по-приговски звучащий лозунг "Партия и народ -- едины!" или, если речь заходит об индивидах, мандельштамовское "Я -- беспартийный большевик" либо, обращаясь к тому же Попову, рефрен диссидентствующего пьяницы "А ну, коммунисты, выходи на бой, на диалог, покой вам только снится!". Одна из ключевых особенностей культурной жизни в Советском Союзе сегодня заключается в том, что авторитет партии -- как это бывает только с авторитетом власти в отличие от ее все еще весьма реального силового аппарата -- практически испарился. Однако, смысл слов и человеческих судеб, а они тоже состоят из слов, -- смысл, который еще в совсем недавние времена находил себе последнюю опору либо в санкции, либо в проклятии Партии, -- смысл этот оторвался от земли и повис в воздухе, болтаясь там то туда то сюда, и тем самым вызывая в сознании носителей языка известные симптомы морской болезни.

Сходное ощущение смысловой качки испытывал в начале века Александр Блок, когда пророчествовал за себя и своих современников в "Стихах о прекрасной даме":

Весь горизонт в огне, и близко появленье --

Но страшно мне: изменишь облик ты.

Но если когда-то русские символисты-теурги, для которых еще что-то чему-то соответствовало, могли уповать на всемогущее слово-символ в своем узком кругу, то теперь, когда многозначительным намекам и перемигиваниям пришел конец, от перестроечного слова все же ждут дела самые широкие круги советской общественности. Добавлю: ждут не без оснований, поскольку именно гласность окончательно подорвала притязания Партии на непререкаемый авторитет, но ждут с неоправданным нетерпением, ибо часто забывают или не отдают себе отчета в том, что гласность при построении нового государства и общества это -- условие необходимое, но не достаточное.

Действительно, сегодняшняя свободная речь, одна сотая доля которой при Брежневе толкнула бы правительство на массовые репрессии и объявление военного положения, вызывает упреки в своей неспособности наполнить полки товарами, карманы деньгами и за- пустить вместо нынешнего шурум-бурума хорошо отработанный рыноч- ный механизм и плавно функционирующий парламент.

Рассуждают так. Сажали ведь раньше за длинный язык и, значит, было за что: слово и дело государево. А теперь: слово и де- ло... общественное? А без вмешательства государства, которому те- перь уж больше не до слов, это самое общественное слово, постро- енное на противоречиях и разногласии, не только не звучит по- пророчески, но и не обладает тем весом, без которого, казалось бы, что ни говори -- всё равно. Свободное слово -- это всего лишь предпосылка нового порядка, а не сам порядок. Так, общественная политическая речь, став рационально свободной и разногласной, естественно теряет свою способность "останавливать солнце и по- беждать города" (Гумилев). Один из романов Беккетта кончается двумя фразами: "День был воскресный, и лил дождь. День был нево- скресный, и не лил дождь". Когда-то, еще совсем недавно такого в советской литературе быть не могло. Но кончились невинные време- на, и вторит теперь Беккетту по-поприщински Попов концовкой сво- его "Ресторана `Березка`":

Свобода? Можно, наконец, куда-нибудь "махнуть"... У-у, мерзкое слово! О, разоренная наша земля! Так отчего же такая тоска? О т в е ч а ю: наверное, в этом виноваты коммунисты. А может быть, наверное, не виноваты. Бог знает...

2. Сила притяжения погасшей звезды

Итак, вопреки повествовательной логике, ответа на простой, казалось бы, вопрос, поставленный в начале "Поэмы и рассказов о коммунистах", не последовало. Но в том-то и дело, что логика здесь непричем. Зато поговорить о коммунистах, покалякать о них, потрепаться, побалакать, позубоскалить, языки посучить -- это очень даже хорошо удалось. А кто такие коммунисты, зачем, за что? Это -- Бог знает... Действительно, тайна сия велика есть -- как- никак три четверти века прошагали под несменным руководством коммунистической партии -- и из-за одной только циклопичности за это время навороченного чувство необходимости понять, кто же они все-таки такие, коммунисты, только нарастает.

Вопрос же такой, что даже если подойти к нему просто, по- канцелярски, статистически, то и тут ясного ответа не дождешься. Казалось бы, наличие членского билета -- факт, не

требующий комментария. Однако, нынче и он представляет собой явление более, чем двусмысленное. Как приходилось мне слышать в московских салонах, одни носители билетов, например, взносы платят, но веры не имеют, за другими же числятся недоимки, которые, в свою очередь, можно определить либо как плохо завуалированный идеологический демарш, что-то там в партийном мире подрывающий, либо же как простую рассеянность, либо как материальное выражение некоего сомнения в вере -- мол, не плачу, потому что сердит и недоволен, но все же из партии не выхожу, а с КПСС и этого теперь хватит. Последнее напоминает знаменитую "ставку Паскаля" на существование Бога: с одной стороны, затрат никаких и риск минимальный, а, с другой, ежели удержатся коммунисты у власти, куш может быть изрядный. Так что, вопрос кто же такие коммунисты, откуда они зачем и за что снять не удастся. Как-то не верится, чтобы все эти частные партии люди, отзывающиеся на одно имя "коммунист", могли теперь иметь что-то общее друг с другом. Но и обратное, т.е. то, что они ничего общего друг с другом не имеют, тоже на истину не похоже.

Есть у Попова весьма показательный в этом отношении персонаж: некий Р.С., в прошлом друг упомянутого выше диссидентствующего пьяницы, но впоследствии "ставший коммунистом и выбранный в Верховный Совет СССР, где он блокируется с левой стороны вместе с другими честными коммунистами, некоторые из которых, в том числе и Р.С., уже давно вышли из партии по политическим причинам, чтобы все обновить и тогда окончательно расцветет родная земля" (с. 141). Вот так: и не коммунист уже, но все-таки коммунист. Как ни в чем не бывало, язык продолжает отсылать к той последней и главной инстанции смысла, которая вместе с абсолютным авторитетом партии давно погасла и зияет дырой. Но, хотя и свет она источать перестала, силы притяжения, как те космические черные карлики, не теряет. Впрочем, для кого-то, быть может, еще и вспыхивает время от времени эта звезда -- подобно тому чудодейственному партийному билету у Попова, засветившемуся неземным светом от попыток двух хулиганов грубо над ним надругаться, за что эти хулиганы тотчас же и поплатились, будучи всосаны вместе со своей подругой в космическую воронку четвертого измерения. Но такое, я полагаю, случается теперь все реже и реже.

3. Партийность как прием: А вы случайно не коммунист?

Искушенный читатель понимает, что начиная повесть с такого наболевшего вопроса о коммунистах, Евгений Попов просто-напросто воспользовался ловким приемом-приманкой. Прием этот хорошо отработан в высоколбой детективной прозе, где выяснить, кто же все-таки убил старуху или, скажем, царя Лая, важно не столько само по себе, сколько как повод к описанию нрава,

характера и мозговых горячек героя, наломавшего столько дров и тем самым притягивающего к себе всеобщее, граничащее с почтением и с ужасом внимание.³ Даже неискушенный читатель, целиком проглотивший такую приманку и потирающий руки в ожидании наконец-то узнать правду и поделиться ею со товарищи, непременно поймет, дойдя до концовки, что вопрос здесь ответа не предполагает, а есть не что иное, как повод к развитию темы -- темы навязчивой, от которой в беспокойные времена, когда переписывается карта народного сознания, ни уйти, ни заслониться. Нельзя отделаться от этого навязчивого разговора на тему даже переизданием Протоколов Сионских мудрецов, Майн Кампф и т.п. литературы. При всей их, казалось бы, элегантно-простоте и рациональности, гипотезы, полагающие, что коммунисты -- это, на самом деле хорошо замаскированные иудеи или, скажем, помешавшиеся инопланетяне, чей сумасшедший дом по техническим причинам свалился на землю, в глубине души каждый советский(?) человек признает, что нынешние семнадцать-восемнадцать миллионов членов КПСС, как и их еще более многочисленные предшественники, -- в общем-то люди свои. С кожаными куртками и маузерами расстались давно, ходят, главным образом, в штатском платье, бороду либо бреют, либо нет и особых физических примет не имеют. При таких обстоятельствах не только сосед твой, но и сам ты, не ровен час, можешь оказаться не то анти-, не то бывшим, не то просто коммунистом. Невероятно, но факт.

Ради иллюстрации этого положения приведу еще один пример из поповских "Рассказов" -- эпизод, в котором сам автор (как известно, весьма чуждый коммунистической партии элемент) выступает в роли прототипа рассказчика, которому удалось заманить в квартиру слесаря-водопроводчика. Слесарь принялся за свою нехитрую работу в ванной, а рассказчик тем временем

смотрел, открыв рот, по телевизору марки "Грюндиг" выступление будущего Президента М.С. Горбачева. --Во дает!--сказал он (хозяин) об увиденном (о М.С. Горбачеве). --Товарищ, а вы случайно не коммунист? -- вдруг озарило слесаря. --Да, я коммунист. А что?--удивился хозяин. --Да так, ничего, -- сказал слесарь, с благодарностью принимая деньги.

4. Надо определиться

В условиях такой расплывчивости лица советского гражданина, свободно перетекающего из беспартийного в партийного, из одного в Другого, и обратно, особое значение приобретают примерные образы гражданина и гражданского сознания, предлагаемые наиболее авторитетными фигурами в общественной жизни страны. Что же касается по-литической

борьбы как таковой, то она идет не только и не столько за тот или иной законопроект, статью ассигнований или даже структуру органов власти, а именно за лицо избирателя, за его восприимчивость и реакцию на те или иные глубинные стилевые позывные – вождя, будь то Ельцин, Горбачев, или пользующийся исключительным авторитетом писатель-проповедник Александр Солженицын. А пока не определяются сознание прошлого, настоящего и чувство исторической судьбы, иными словами, пока не определяются формы политического сознания, до тех пор само по себе принятие того или иного закона будет иметь лишь ограниченное, локальное значение.

Иными словами, в общественной и культурной жизни страны борьба сейчас идет за последнюю инстанцию гражданского смысла, за тот смыслообразующий гражданский абсолют -- сгусток ценностей и мифов -- по отношению к которому мог бы себя определить и народ в целом и отдельные граждане его составляющие. Как слово ценность, так и миф я употребляю здесь в нейтральном и довольно узком смысле -- как историческое, относительно достоверное повествование о народе в целом либо о представляющем народ герое, повествование, в котором во времени, действии и в лицах раскрывается значение определенного ряда ценностей, как бы определяющих этот народ.

В политических дискуссиях сами по себе ценностные абсолюты и исторические мифы, эти глубинные стилевые позывные, как бы выносятся за скобки, лишь обрамляют собственно политические и общественные вопросы такие, как быть или не быть частной собственности на землю, как осуществить конверсию и т.п. И тем не менее, они определяют ту или иную валентность политических и общественных позиций, как консерватизм и радикализм, сглаживают наиболее явные противоречия, соединяя несоединимые понятия, такие как, скажем, "социализм" и "рынок", придают им, если хотите, даже пол, как, например, в словах Родина и Отечество, и, главное, создают тот ореол своего, кровного, праведного, святого дела, без которого политическая речь неспособна стать бродильным препаратом, толкающим отдельных лиц к объединению в партийные группировки, или, по меньшей мере, определяющим позицию избирателя на выборах.

Этот бродильный экстракт, которым заправляют свою политическую речь такие большие политические фигуры, мне бы и хотелось подвергнуть здесь особому рассмотрению на примере, главным образом, Горбачева и, в меньшей степени, Борис Ельцина. В выборе материалов я отдавал предпочтение более или менее исповедальным по жанру высказываниям этих двух наиболее могущественных политических деятелей Советского Союза, а

именно, многочисленные интервью и беседы Горбачева⁴ и, конечно Исповедь на заданную тему Ельцина.⁵

5. Горбачев: Мозаика смысла

Нет нужды доказывать, что за последние шесть лет сознание Горбачева, одного из главных инициаторов перестройки, как и сознание всей страны, претерпело не мало изменений. Я подчеркиваю, что изменился Горбачев не только как политический деятель, но и как носитель определенных взглядов и убеждений. Я ограничусь здесь его высказываниями 1988-91 гг., делая особый упор на последние месяцы, отмеченные поворотом вправо, т.е. период по март 1991 г. Конечно, у каждого человека, а у общественной фигуры и подавно, не одно лицо и не одна роль. Так, Горбачев выступает, помимо прочего, и как "первое лицо в Партии", и как грозный "Центр" в отношениях с непослушными республиками, и как "Президент" всего народа, и как главный представитель великой державы за границей, и как -- и это меня здесь интересует в первую очередь -- просто-напросто человек незаурядный, облеченный тяжелейшим бременем власти собеседник, который решил поделиться своим, как бы личным видением мира с представителями культурной и интеллектуальной элиты. Я подчеркиваю как бы, поскольку встречи такого рода -- это, конечно, не частное дело человека по фамилии Горбачев, а одна из важных официальных функций главы государства, формирующего общественное мнение страны через обращение к определенной аудитории, состоящей в тех случаях, которые меня особенно интересуют, из авторитетных представителей интеллектуальной элиты ее доступом к разного рода средствам массовой информации внутри страны, а нередко и за рубежом.

Именно в непринужденных беседах такого рода политическая роль и функция деятеля начинает сливаться, с одной стороны, с философским пониманием истории, с идеологией, а, с другой, с пониманием самого себя как отдельной личности, как персонажа, сотканного, как и всякий человек нашей цивилизации, из силовых нитей истории -- разве что поплотней да попрочней. Иными словами, в процессе таких выступлений личное смыкается с общим, настоящее -- с прошлым, национальное -- со всеобщим, а сам политический деятель как бы романизируется или мифологизируется, вписываясь в более или менее правдоподобную картину мира наподобие романного или мифологического героя, ведущего повествование о самом себе. Попытаюсь здесь проследить на основании суммарного анализа его высказываний последнего времени, как осуществляет эту мифологизацию не то романизацию Горбачев, т.е., по-просту говоря, с помощью какого мифа, обыгрывающего и раскрывающего какие ценности, создает инстанцию последнего смысла сам Горбачев.

5. Коммунист fautes de mieux

На поверхности, казалось бы, все достаточно просто: Горбачев -- коммунист, член коммунистической партии и, как таковой долже апелитовать к ней как к последнему арбитру контекста и значения. И действительно, в том, что он -- коммунист, Горбачев признается публично, однако, не без значительной оговорки. Так, находясь в феврале этого года в Минске "на встрече с представителями науч- ной и творческой интеллигенции Белоруссии", Горбачев заявил [курсив мой, Г.Ф.]:

Моим дорогим собратьям по партии могу повторить:

я нигде ни в каких аудиториях не стеснюсь говорить

что я коммунист и привержен социалистической идее.⁶ Логика, однако, здесь требует вместо сочинительного союза "и" ограничительное выражение, что-нибудь в роде: я коммунист по- стольку, поскольку я привержен социалистической идее," а не, скажем, идее априорного единства интересов партии и трудящихся и т.п. Также бросается в глаза, что Горбачев называет себя привер- женцем идеи социализма, а не социализма как такового (об этом -- ниже). Как видно, однозначный ответ на вопрос, что же составляет атрибут коммунист в применении к Горбачеву, найти будет не легко.

Судя по его выступлениям, коммунистом Горбачев себя считает, по крайней мере в трех смыслах.

Во первых, по месту работы:

Так получилось, что по специальности мне при- шлось трудиться недолго. Вскоре рекомендовали на ра- боту в комсомол. И с тех пор -- на комсомольской и партийной работе.⁷

Во-вторых... А вот во-вторых уже начинают возникать серьез- ные трудности. Горбачев утверждает вплоть до одной из последних бесед,⁸ что он коммунист по убеждениям, но слово коммунизм, за исключением одного выступления, где оно тут же было поправлено на социализм,⁹ мне в его беседах и интервью не попадалось. Социализм -- это другое дело, но и этот термин в последнее время уступил место "социалистической идее" и еще более сомнительному "социали- стическому выбору". В "идее" ведь

есть столько мечтательного и воздушного и подозрительной, для марксиста и подавно, эфемерности. Что же касается "социалистического выбора," то, даже если мы и не станем оспаривать правдоподобие этой легитимирующей метафоры большевистского переворота, она, как это для всякого должно быть очевидно, подразумевает абсолютное право и возможность народа сделать выбор и поразборчивей. И, наконец, источником суверенитета власти в такой теории служит не стародавний рабочий класс в союзе со стародавним трудовым крестьянством, а всеобъемлющее, националистическое понятие -- народ.¹⁰

При всех зигзагах последних трех с половиной лет, рамки этих двух основных понятий не раз то сужались, то расширялись, но тому, что мы называем их советским, ленинским пониманием конец был положен в известной торжественной речи 2 ноября 1987 г. Напомню, что в заключение этой официальной речи (по поводу которой Ельцин, по его словам, высказал двадцать замечаний¹¹), Горбачев вполне авторитетно заявил, что люди видят мир по-разному, в зависимости от своего опыта и положения и, главное, что истина обретается лишь в сопоставлении и анализе этих различных позиций -- в их открытом диалоге (в этом месте литературовед услышит явные отголоски Бахтина). Напомню, если надо уже об этом напомянуть, что прежде этого заявления истина заключалась в линии партии на данном этапе -- неперемное кредо коомуниста, от которого Хрущев не мог отказаться даже на XXII Съезде в самый разгар анти-сталинской кампании. 2 ноября 1987 г. партия в лице Горбачева и, возможно, неожиданно для большинства ее членов отказалась от монополии на определение смысла слов и тем самым от самой себя. Все, что произошло с тех пор, включая отказ от Шестой статьи Конституции, -- это эпилог, точнее, эпикриз биографии КПСС, и дописывается он историей впопыхах, размашисто и по-стахановски.

Когда эти слова о смерти партийной истины были произнесены, коммунизм, как положительный термин, вышел из употребления, а социализм превратился из термина, обозначающего зрелый, нестроенный, построенный объективно существующий, казарменный, манящий общественный уклад -- в идею, в один лишь из ориентиров русской истории, хотя и привилегированный ориентир, благодаря так называемому выбору, который народ (Российской империи-республики???) сделал в 1917 г. С тех пор Горбачев, по крайней мере, перестал строить, или перестал притворяться, что строит социализм, ограничиваясь лишь "приверженностью идее." Да и сама приверженность эта, не во всем была добровольной, а вызывалась, по крайней мере отчасти, волею совершившего "социалистический выбор" народа.

В-третьих, Горбачев называет себя, вернее, до самого последнего времени называл себя коммунистом из сознания невозможности вести политическую деятельность помимо партии. А поскольку другой партии не было, то он был коммунистом *faute de mieux*, коммунистом за неимением лучшего. Делать перестройку вне партии либо посредством лобовой атаки на партию было невозможно, а через партию -- во многом удалось, хотя и с естественными корректировками и неожиданными последствиями. А сегодня уже можно продолжать начатое дело и помимо и вопреки партии. Тень этого коммуниста *faute de mieux* проскользнул в интервью корреспондента Вашингтон пост Роберта Кайзера еще в мае 1988 г. Объясняя американскому корреспонденту свою кажущуюся противоестественной приверженность социализму, Горбачев невольно посетовал на тот человеческий материал, с которым ему приходится по долгу службы иметь дело [курсив -- мой, Г.Ф.]:

...страна наша такова, что сегодня 9/10 ее населения -- это те, что родились и выросли в социалистическое время. Да и нынешнее руководство, оно ничего и делать-то не умеет, кроме как развивать социализм...

И тотчас опомнившись, совсем уже по-поповски добавил: "который нам открыл великую дорогу во всех сферах жизни."¹² Невольно вспоминаются звонкие слова Лигачева на XIX Партийной конференции: "Спрашивают: а чем вы занимались во времена застоя? Отвечу: строил социализм!"

7. Тень Герцена: Крестьянская община и русский социализм

Однако, было бы непростительным упрощением смотреть на персону Горбачева как на политического оппортуниста, воспользовавшегося своими партийными связями и карьерой для достижения своих же честолюбивых или иных недостойных целей. Горбачев -- патриот Советского Союза, страны, унаследовавшей Российскую империю, по его словам, во многом в отличие от западно-европейских метрополий щедрую в отношении присоединенных народов¹³ и, как он настаивает, ведущую свою историческую генеалогию со времен Св. Владимира, крестившего Киевскую Русь. Наше "государство," -- заявил он редактору журнала Дер Шпигель 20 марта нынешнего года -- "формировалось как единое в течение тысячелетия."¹⁴ Советские учебники, как известно, начинают историю СССР с истории древнейшего государства Урарту. Горбачев, напротив, останавливая свой выбор на Киевской Руси в момент принятия христианства, полагая это событие отправной точкой современной советской истории, точкой, в которой пересеклись и истоки русской государственности, и русского национального самосознания, и

Русской Православной церкви. И выбор этот подчеркивает преданность Горбачева русской цивилизации. Недаром он избегает в своих выступлениях слова "родина", когда говорит об СССР, отдавая предпочтение более генеалогичному в патриархальной традиции "Отечеству" -- этому шиболету истинных патриотов Государства Российского. Отсюда и ссылки на сделавший "выбор" народ, а не на класс-гегемон, как на основной источник советской власти.

В соответствии с этим пониманием Горбачев строит свою философию истории России. Как в романе с его обязательным сцеплением смыслов и взаимной обусловленности событий и идей, Горбачев рисует историю Государства Российского по принципу преемственности поколений и эпох, в соответствии с верой в его особое историческое предназначение и особую роль в истории европейской цивилизации. Этот элемент русского мессианства, мессианства, заметим, подчеркнуто неагрессивного,¹⁵ играет заметную роль в исторической концепции Горбачева. О том, что он отдает себе в этом отчет, свидетельствуют его исключительно неубедительные протестации, сквозь которые убедительно просвечивает здоровый русский советский национализм. Одна из таких имеющих обратный смысл протестаций попала в его недавнее интервью журналу Дер Шпигель. Утверждая особую приспособленность СССР играть роль международного арбитра в конфликтах между "бедными и богатыми", Горбачев предупредил своих потенциальных критиков не обвинять его в мессианизме:

Такой подход воспринимается как претензия намессианство, как иллюзорность, т.е., негативно. Но многое ведь начиналось с ереси, а потом захватывало мир.¹⁶

Как в мифе или романе, для Горбачева ключевые события русской истории, по крайней мере 1917 г., лишены случайности. Однако, у Горбачева это не детерминизм Маркса и марксистских философов истории, для которых исторический процесс определяется динамикой классовой борьбы, а, скорее предопределенность, основанная якобы на характерных коллективных свойствах русского народа, особенно, его преданность идее социальной справедливости и, следовательно, предрасположенность к социальной революции. Склонность эта, как Горбачев не раз признавал, обернулась катастрофическим провалом¹⁷ и прежде всего, по формуле А.Н. Яковлева, благодаря тому, что во внутрипартийной борьбе "партия власти" победила "партию идеи".¹⁸ Но что касается социалистической идеи как таковой, утверждает Горбачев, ссылаясь иногда на авторитет западных социал-демократов, например, премьер-министра Испании Фелипе Гонзалеса, то идея эта не была полностью дискредитирована.

Недавно провел огромную дискуссию на этот счет с Ф. Гонзалесом -- тоже убежденным социалистом, который имеет свои знания, свои подходы, свой вариант размышлений. Но я вижу, что эта идея -- жива. Я ее не только по должности как Генсек отстаиваю. Нет, я убежден, потому что я связываю: если это социализм -- значит, это прежде всего, демократия. Если это демократия, то это значит -- свобода. Или, может быть, даже прежде всего свобода, а потом уже и демократия. Свобода политическая, свобода человеческая и духовная, свобода экономическая. И, конечно, больше справедливости.¹⁹

Одна из форм европейского гуманизма, "социалистическая идея" развивалась не только в СССР и странах социалистического лагеря, но, что еще важнее, в социал-демократических движениях Запада. Что же касается веры Горбачева в историческую предрасположенность России к социализму, то от этих взглядов недалеко и до русского социализма Герцена и народников с их восхищением перед "органи- ческим" социализмом русской крестьянской общины. Этот пафос русского аграрного социализма позволяет Горбачеву, выступая сторонником рыночных отношений в экономике, сохранить номинальную и скорее эмоциональную, чем рациональную связь с социализмом:

Но будучи за рынок, однако, я, например, не принимаю частную собственность на землю -- хоть что вы со мной делайте. Аренда -- хоть на сто лет, даже с правом продажи арендных прав, с наследованием. Да! А частную собственность с правом продажи земли -- не принимаю. Это, кстати, традиция сельской общины, нашей сельской общины.

[писатель Борис]Можаев. Тысячу лет стояли наэтом. Горбачев. На сельской общине? Можаев. Да, община у нас раньше государственно-ти возникла. Горбачев. Товарищ Можаев, я жму Вам руку. Я так и считал что мы -- с вами. [смех в зале].²⁰

Должно быть очевидно, что столетняя аренда с правом продажи и наследования в практическом отношении не противоречит рынку, сохраняя от социализма разве что одну только и, причем, русскую идею. Волкам капитализма такая аренда не помеха, а вот останутся ли при ней сыты овцы социализма -- это еще вопрос.

Узел понятий таких, как "социалистическая идея" и "социали- стический выбор", в соединении с определенным пониманием истории и патриотическими чувствами составляет как бы идейный, сюжетный фон повествовательной схемы Горбачева. В отсылке аудитории к тра- диции крестьянской общины можно видеть одну из попыток Горбачева замолить перед богом русской истории

несмыслимый грех коллективизации и репрессий, связав колхозы с традицией общинного хозяйства, и одновременно с этим создать для себя и своих соотечественников исторический миф, который позволил бы примирить в сознании и уцелевшие элементы в основном обанкротившейся веры отцов, и катастрофу, которой увенчалась эта вера, и те очевидные достижения, которые ушедшие поколения без сожаления могут занести себе в кредит.

Альтернативный сюжет, сюжет возврата не принимается Горбачевым всерьез. В отличие от Солженицына, не принимает Горбачев и полного отрицания советского периода русской истории.²¹ В этом отношении, он, как кажется, неплохо усвоил урок Чаадаева, который полтора века назад отмечал как характерную для России тенденцию под напором нового веяния отрицать и вытеснять историческую память. После 70 лет такого отрицания и вытеснения, повторять эту ошибку Горбачев не собирается. При том, что "9/10 советского населения родились при социализме", не говоря уже о восемнадцати миллионах членов КПСС как в форме, так и в штатском платье, забвение советского периода обернуться весьма опасным неврозом, а именно, возвращением страны на круги своя. И дабы не повторилась послеоктябрьская утопия, Горбачев настаивает на частичной преемственности советской власти и почвенного русского социализма.

8. Как в Испании

Если сюжет Горбачева это -- все взлеты и падения русской истории, то роль фавулы, которую разыгрывает предлагаемый им сюжет, отведена понятию цивилизации, точнее, ее западноевропейскому варианту периода нового времени, короче, -- европейскому гуманизму. Выступая перед "научной и творческой интеллигенцией Белоруссии" в конце мрачайшего за время перестройки февраля 1991 г., Горбачев попытался внести ясность в свое понимание социализма как совокупности "социалистических течений, которые мощно развиваются в мире."²² Социалистическая идея, продолжал Горбачев, пытаюсь опередить своих критиков, которые не без оснований отказываются принимать горбачевский социализм всерьез,²³ -- это не только "слова, призванные всего лишь как-то символизировать связь с прошлым, а вполне ясное представление о будущем." Сам же социализм, т.е., это самое будущее, Горбачев определил так: [цитирую без купюр]:

Говоря о нем, мы имеем прежде всего ввиду гуманистические ценности, права и свободы, ориентацию на человека как главную ценность. Мы имеем также ввиду демократическое устройство общества, парламентскую систему, принцип разделения властей, создание правового государства, торжество закона. Мы

имеем, наконец, ввиду смешанную экономику, разнообразие форм собственности при социальной справедливости и солидарности.24

Врядли стоит доказывать, что с таким пониманием социализма -- основанном на идеалах Эразма Роттердамского, Французской и Американской революций (человек-права-свободы), на опыте политического устройства Великобритании (парламентская система), на политических теориях Локка, Монтескье и Мэдисона (разделение властей), на англо-американской юридической традиции правового государства, подхваченной в России кадетами, а позже правозащитниками Чалидзе, Твердохлебовым, Сахаровым, на институтах смешанной экономики, характерных для западно-европейских демократий, и, говоря о "социальной справедливости и солидарности", общей для Запада системы социального страхования и охраны прав трудящихся -- Горбачев занимает позицию где-то между Франсуа Миттераном и Президентом США. Вот какие бывают Генеральные секретари Коммунистической партии Советского Союза. Не Евгений ли Попов здесь шалит?

Однако, Горбачеву здесь важно не только обеззубить социализм, вытеснив из него классовую борьбу, но и показать, что русский социалистический эксперимент, при всех его недостатках, был плотью от плоти и кровью от крови западно-европейской цивилизации. Иными словами, если следовать мысли Горбачева, социализм в государстве Российском был, по крайней мере отчасти, попыткой отоварить, предъявить к платежу одну из самых больших облигаций этой самой цивилизации. Попытка эта, как и во времена Петровских реформ, успехом увенчалась разве что только в том отношении, что Россия стала великой державой (о чем Горбачев не устает повторять), однако, чего он также не отрицает, достигнуто это было ценою рабства и катастрофических репрессий (параллель здесь, что бы ни писал Пастернак, увлекает). Более того, эксперимент этот не был исторической случайностью, а имел место благодаря тому, что народ российский, по мысли Горбачева, обладает исконной предрасположенностью (Горбачев где-то даже употребил эпитет "генетически") к социалистической идее. Таким образом, Россия, ныне Советский Союз, и как страна, перенявшая передовую мысль Запада, и как страна, чей народ оказался органически предрасположен к социализму, связана самым тесными узами, и органическими и благоприобретенными, с западно-европейской гуманистической традицией -- с основными духовными ценностями и институтами европейской цивилизации. Так, "ценности социалистические", которым Горбачев был столь привержен в первые годы перестройки, получив прививку от оправданных и закрепленных Чернобылем "общечеловеческих ценностей", превратились, наконец, в "гуманистические ценности" европейской

цивилизации, воплощенные, помимо всего прочего, и в институте ры- ночной экономики:

Во-первых, я думаю, что для нас рынок -- то же, что и для всех. Это не изобретение немцев, русских или китайцев, а институт цивилизации. Поэтому переход к рынку -- это нормально. Так, как жили мы раньше, жить нельзя. Подавлялись стимулы, активность, не было экономической свободы. Это тупик.²⁵

От таким образом понятой "социалистической идеи," конечно, и отказываться нечего. Во-первых, социалистического в ней ничего нет. Во-вторых, она неотделима от всего комплекса гуманистических ценностей западной цивилизации, отказ от которых равнозначен от- казу от института материнства и, как добавляют в Америке, яблоч- ного пирога. Да и как можно отказаться от идеи, которая, как ут- верждает Горбачев, уходит глубокими корнями в родную русскую поч- ву. Подобно Герцену и народникам, Горбачев вписывает социализм задним числом в старую русскую историю, а посему отказ от социа- листической идеи становится у него равнозначным отказу и от евро- пейского гуманистического наследия и от собственного родства, от своего Отечества. А это уж будет -- "не по совести". Неважно, что за этой "социалистической идеей" не стоит уже ничего, кроме прове- ренных временем форм западно-европейской демократической государ- ственности и общественной жизни. Главное здесь -- сохранить сло- во, освятить знакомым именем преемственность поколений, создать, пусть иллюзорную, но предпосылку для национального согласия: "как в Испании", где "есть памятник примирения всех, кто столкнулся в гражданской войне, когда шли друг на друга, брат на брата."²⁶

9. Принц Гамлет и Король Лир на кремлевской сцене

Горбачевскую картину мира можно представить в форме кон- центрических кругов: сперва всеобъемлющий круг ценностей западной цивилизации Нового времени, включая гуманизм и социалистическую идею; внутри -- круг российской истории, разыгравшей по-своему идеи европейского гуманизма; а в самом центре -- личная судьба самого Горбачева, внука "раскулаченного мужика" и крестьянина- активиста коллективизации. В этом последнем кругу повествование становится личным, а стиль исповедальным:

Вот мои два деда. Один был осужден за то, что не выполнил план посева в 1933 г. при том что полсемьи умерло с голода. Его отправили в Иркутск на лесоза- готовки, и осталась эта семья, измученная, наполови- ну вымершая в 1933 г. А другой дед -- организатор колхозов, тогда представитель Уполминзага. Это была

фигура по тем временам. Он из крестьянской семьи, се-редняк. Его тоже посадили и 14 месяцев допрашивали -- признавайся в том, чего не делал. Ну, слава богу, остался жив. Но жил в этом "чумном доме", доме врага народа", и родственники, близкие не могли ходить в него. Иначе вслед за дедом бы пошли. Так что мы хватили всего, видели изнутри, знали и знаем эту жизнь, могли и можем сопоставлять.²⁷

Выбирать одного из этих двух и отречься от другого Горбачев по-человечески не в состоянии, и он призывает своих слушателей к диалектическому прыжку сознания, так сказать, к отречению от от-речения ("это диалектично все и понятно"), которое поможет прео-долеть свойственную чуть ли ни каждому советскому человеку травму раздвоения на мучителя и жертву, на пожирающего плоды и обездо-ленного -- человеку, который не просто стоит, а поколениями вро-стал в землю по обе стороны баррикад.²⁸ Небезынтересно то, что сам Горбачев в своем автобиографическом интервью Известиям ЦК КПСС в мае 1989 г. о раскулаченном деде, в отличие от деда-активиста, ни словом не обмолвился.²⁹ Факт этот красноречиво говорит о том, что в перестройке Горбачев ищет не только общий для страны, но и личный катарсис.

Поворотной точки это личное и общее гамлетическое раздвое-ние, о котором Горбачев доверительно повествует "деятелям куль-туры," достигает в конце 1984 г. во время известного ночного раз-говора, когда уже Генсек КПСС Горбачев и член Политбюро Шервад-надзе, два чуть ли не самых могущественных лица в империи, при-знались друг другу в том, что "всё -- прогнило". Решение начать перестройку Горбачев принял в Москве, в ночь на 11 марта 1985 г. (он указывает точную дату): "проработав в Москве более семи лет, пришел к глубокому убеждению: так жить нельзя". Вслед за этим говорухинским признанием он и его соратники приступили к дей-ствиям, с каждым днем все энергичнее и энергичнее разбирая по камням огромное здание сталинского государства. План включал ка-питальный ремонт, полную перестройку здания государства и общест-ва, которая могла бы не только икупить историческую вину партии, в частности членов ее руководства, но и вдохнуть новую жизнь в сформировавшее их сознание "социалистические ценности." Получи-лось, правда, по-другому. Перестройка оказалась всего-навсего первым этапом полного демонтажа здания, остановить который теперь уже не в силах никто. Вот-вот, опасается Горбачев, оборвется связь времен и новые поколения начнут отречься от своих предшественников. Если верить его речам ноября 1990 -- марта 1991 гг., в этом -- один из главных кошмаров Горбачева.

Однако, ирония исторической ситуации состоит в том, что Гор-бачев является не только объектом надвигающегося разрыва с

прошлым, но и активным инициатором и продолжателем этого процесса. В этом внутренняя логика перестройки, и сам Горбачев, произнес очередное социалистическое заклинание в надежде оживить хотя бы пафос социалистической идеи, тут же склоняется над ней с острым аналитическим скальпелем в руке, и с холодной, рациональной сноровкой патологоанатома в мгновение ока вскрывает ее безжизненное тело. Так, в ноябрьской (1990 г.) беседе с культурниками наивысшего эмоционального накала его выступление достигает в тот момент, когда его же собственные рассуждения об ужасах коллективизации не оставляют ему самому никаких доводов для оправдания великого социалистического эксперимента. До предела насыщенное демистификациями сознание современника перестройки и особенно такого рядового, как Горбачев, заставляет заключить: страшные жертвы не могут быть оправданы, а следовательно и люди, строившие социализм в одной стране, при всех их сколь угодно благих намерениях, не только зря прожили или свою жизнь, но и нанесли необратимый вред своей стране и человечеству. Этого по-экзистенциалистски страшного заключения Горбачева-рационалиста сентиментальный социалист-Горбачев принять не в состоянии:

Но от кого, от чего мы должны отречься? В свое время он [дед] был семнадцать лет председателем колхоза. И я никогда не слышал о нем, чтоб он сомневался в том, что делается на этой земле. [...] Я не могу пойти против своего деда. Я не могу пойти против своего отца, который на Курской дуге стоял, Днепр, который был весь в крови, форсировал, дошел до границы, был ранен в Чехословакии. Я что должен, очищаться, отвергая всю эту казарму, сталинщину, отказаться от своего деда, от своего отца, от того что они делали? От поколений отказаться? Или они напрасно жили?

И как бы очнувшись, прерывает этот монолог кремлевского Лира, снимая его остроту расхожим патриотическим доводом о том, что при советской власти Россия стала великой державой:

Мы с вами, я уже не раз говорил, не просто на болоте выросли: мы ведь имеем под собой капитальную точку опоры.³⁰ Да так ли?

10. Горбачев, Ельцин: Эпилог

Прошло едва три месяца после ноябрьской 1990 г. "Беседы Горбачева с работниками культуры", и за это время, с "социалистической" чаши его весов исчезла еще одна гирька -- заклинательный амулет "социалистический выбор". Выбор этот оказался в историческом плане недостаточно перспективным. "Часто бывает," -- признался по-философски спокойно Горбачев своим внимательным собеседникам из журнала Дер Шпигель, --

"что не всякий выбор получает развитие в контексте развития всей цивилизации."³¹ Но вряд ли Горбачев теперь об этом жалеет, ибо ценности той цивилизации, которую он имеет здесь в виду, не в последнюю очередь благодаря самому Горбачеву, стали неотъемлемой частью общественной речи перестройки, пусть и под эгидой социалистической идеи. Хоть горшком назови -- только в печь не сажай.

Просветительскую деятельность Горбачева последнего времени, как я пытался показать в этой работе, главным образом, на примере его выступлений в 1990-91 гг., заключалась в тонком балансировании, с одной стороны, заклинательного коммунистического языка социализма в одной стране, не потерявшего еще свою былую власть над сознанием взрослых современников перестройки, возможно включая и самого Горбачева, и, с другой стороны, рационального политического языка "нового мышления", в котором нет места приоритету классовой борьбы, а следовательно и неременного дуализма такого, как "буржуазный-социалистический", "друзья-враги" и подобных макиавелловских дихотомий. Берусь предположить, что в задачу Горбачева входило поставить заклинательный язык на службу новому мышлению путем постепенной замены его практически ритуальной функции на смысловую (социализм реконтекстуализировался как элемент европейского гуманизма),³² но замены такой, которая бы сохранила элемент ее магического ореола и содействовала бы непрерывному, плавному переходу от магической к рациональной речи в общественной и политической жизни СССР. Иными словами, рациональные положения нового мышления нуждались в мифе, с которым они были по- существу несовместимы и который они неизбежно демистифицировали. Несовместимость этих двух языков дела эту задачу заведомо невыполнимой, но цель, которая здесь преследовалась, состояла, очевидно, не столько в выполнении задачи, как таковой, сколько в самом процессе балансирования этих двух языков. В результате, новое мышление как бы получало оправдание, хотя и противоречивое, со стороны заклинательного языка, а заклинательный язык рационализировался, хотя и не до конца, языком нового мышления.

Как вопрос о коммунистах у Попова служил поводом и оправданием тому, чтобы отдалиться навязчивому желанию выговорить магический язык коммунистического режима, так навязчивое повторение слов "социалистическая идея" служило Горбачеву поводом для переориентировки общественного сознания прочь от коммунистической утопии в сторону "общечеловеческих ценностей". И как в том, так и в другом случае, повествование было построено с учетом дефицита авторитетности в современном русском языке, вдруг потерявшем ставшую за 70 лет привычной

последнюю инстанцию смысла. Горбачев поспешил воспользоваться, как ему казалось, еще теплящейся магией слов. Попов, напротив, стремился показать всю абсурдность современного сознания, которое, с одной стороны, неспособно окончательно откататься от привычки соотносить все с институтом коммунистической партии, а, с другой, не в состоянии отдать себе отчета, в чем же состоит смысл такой отсылки. Более того, отважусь предположить, что Попов фактически пародирует Горбачева, точнее, его нежелание, либо неспособность отказаться от апелляции к советскому магическому языку, апелляции, которая заставляет одного из создателей "нового мышления" конструировать чрезвычайно сложные философские, исторические и, наконец, психологические построения, а потом самому плутать по этому запутанному лабиринту. И все это лишь для того, чтобы не оскорбить нежный слух привыкшему к тихой музыке социализма советскому человеку.

Пародия Попова наводит на мысль о том, что эти невероятные усилия Горбачева, особенно в последнее время, могли быть и напрасны. Как показали последние выборы, весьма вероятно, что большинство советских граждан-избирателей не испытывают того глубокого конфликта при отказе от "социалистического выбора", идеи, социализма и т.п. магических заклинаний тени отца Гамлета, какое можно в них предположить на основе выступлений Горбачева (исключение составляет, пожалуй, только его последнее интервью журналу Дер Шпигель). А если это так, то не нуждаются они и в сложных философских построениях, в которые пускался Горбачев как бы для успокоения потревоженной смертью коммунизма совестью. Как показывают выборы Ельцина и других "демократов", эпистемологический кризис загнивающего социализма остался позади. В такой ситуации предпочитают словам -- результат, озабоченности возможным нарушением преемственности и непрерывности в эволюции общественного сознания -- умение не поддаваться желанию ответить на вопрос, кто же все-таки такие коммунисты, а еще лучше -- здоровое безразличие к такого рода праздным заботам. Для Горбачева насущным является вопрос "отрекаться ему от деда" или нет, а многим, если следовать за ходом мысли Попова, такой вопрос представляется до смехотворности неуместным. Вот если где бы сегодня поест достать, то -- это да, это вот -- архиважно.

Что и подводит меня, наконец, к феномену Ельцина. Если сопоставить "исповедальные" беседы и интервью Горбачева с Исповедью Ельцина, то первое, что бросается в глаза, это -- полное отсутствие в автобиографическом повествовании Ельцина характерной для Горбачева "шекспировщины" и "достоевщины". Там, где у Горбачева сложные конструкции подстать романам Толстого, у Ельцина -- девственно невинная хронологическая

последовательность событий, напоминающая не то плутовской роман, не то, что гораздо ближе к истинному влиянию, загибания у костра или сценарий для приключеньческого серийного фильма: в каждом трех-минутном эпизоде -- по смертельной опасности, которую прямой увалень-герой ухитряется избежать ну в самую последнюю секунду.

Такие приключения у Ельцина начинаются с крещения, когда пьяный батюшка позабыл вытащить его из купели, повторяется, когда чуть не расстался с жизнью при попытке разобрать ручную гранату с помощью молотка и камня, когда он потерялся в тайге и чуть не умер от брюшного тифа, когда его грузовик застрял на рельсах и он, усилием воли и стартером сумел сдвинуть его на три сантиметра -- ровно на столько, чтобы дать проскочить мимо товарняку, когда он отыграл себя в карты на крыше поезда с головорезами-уголовниками, когда он чуть не разбился насмерть, упав со строительных лесов с тачкой раствора, и т.д., вплоть до вывода его из состава Политбюро, и чудесного, полученного от народа (и от небес в лице космонавта Гречко) спасения на выборах 1988 г. от уготованной ему товарищами-коммунистами политической смерти. Есть у Ельцина и другой мотив: это открытое пренебрежение к авторитету вышестоящего начальства, начиная с классного руководителя и кончая Генеральным секретарем. Герой его книги -- человек, который будучи членом ЦК, на XXVIII Съезде выйдет из партии легкой, пружинящей походкой, человек, который не станет очень церемониться с партийными бонзами, не побоится потревожить их покой даже таким грубым словом, как капитализм и, главное, не станет испытывать при этом особого внутреннего конфликта и угрызений совести. В его Исповеди, в полном противоречии традиции сего почтенного открытого Св. Августином жанра, внутреннего конфликта нет вообще. Есть только чудесные приключения рубахи-парня, горы хозяйственной и партийной работы, как полагается партийному работнику, "постоянная неудовлетворенность собой", и нескончаемые, задорные, доставляющие удовлетворение конфронтации с начальством. Что же касается внутренних конфликтов, то чего нет, того нет. Я помню интервью, которое Ельцин дал какому-то телевизионному корреспонденту после выхода из партии. На косноязычный вопрос "Что вы испытываете после такого события?", Ельцин, немного помедлив и пошевелив губами, промычал что-то вроде: "Да, уж конечно, не один год в партии состоял, м-да, да ничего, я так думаю -- ничего." И на этом закончил.

Горбачев и Ельцин -- интересная взаимодополняющая пара. Горбачев, если воспользоваться словами Ельцина, "любит говорить округло", призывы его сложны, обращены к разуму, совести, к

слож- ным эмоциям и запутанному сознанию современников. Необходимость в таком рассудительном, осторожном и хорошо поставленном голосе в самый напряженный период революции очевидна. Не менее очевидна необходимость в голосе практической, иногда безоглядной и риско- ванной решительности -- в голосе, не говорящем округло, а так: "Ребята, давай!"

июнь-июль 1991 г.

POSTSCRIPTUM

Статья эта писалась в июне-июле 1991 г., т.е., за два месяца до попытки переворота, который поставил и Горбачева и Ельцина по одну сторону баррикад. С тех пор произошло так много, что мир стал, по-просту говпря, неузнаваем. Люди, однако, меняются не так быстро, как мир, и вот сквозь дым и копоть, и пыль, поднятую историей на марше, начинают проступать знакомые черты ведущих героев нашей российской драмы. Узнать их легко. По-прежнему, Михаил Сергеевич "живет ненапрасно." По-прежнему, Борис Николаевич "просто так живет" и по-прежнему, но теперь уже из высокого кремлевского терема, против "партизанит" против Михаил Сергеевича: то паспорт отберет, то площади лишит, то налоговую недоимку востребует.

Казалось бы, трагикомический путч, подведя черту под совет- ской историей, должен был поставить точку и над старой российской драмой о распре вождя из горожан-интеллигентов и кондового вождя, вышедшего, как говорится из недр народа. Так, по крайней мере думалось автору этих строк, когда он, сидя на галерее в Белом доме 23 августа 1991 г., следил с бьющимся сердцем за тем, что происходило внизу на парламентской сцене. А там разгоряченный победой Борис Николаевич нависал тяжелой скалой над подавленным ф́оросским сидением, но не сломленным Михаилом Сергеевичем и басом, и тыкая пальцем в бумагу, указывал ему читать вслух какой- то там протокол -- под улюлюканье распаленной толпы российских парламентариев.

С тех пор прошло больше года, но для концовки, очевидно, время еще не пришло. Сйчас идет интермедия в ф́орме разбирательства Российским Конституционным судом дела об анти- конституционности КПСС (процесс аналогичный разбирательству по делу о хищнических повадках серого волка). А вот когда это время придет, то потомки, выходя из Большого театра после премьеры оперы "Михаил и Борис", будут покачивать головами и вздыхать о том, что не привелось им родиться в конце XX-го и хорошенько пожить в такое смутное и такое оперное время.

Москва-Стэнфорд, октябрь 1992 г. Copyright □ (1992) by Gregory Freidin

NOTES

1Англоязычный и сокращенный вариант статьи, "How Communist Is Communist Gorbachev?", опубликован в сборнике Dilemmas of Transition in the Soviet Union and Eastern Europe, ed., George Breslauer (Berkeley, 1991), с. 25-44.

2Знамя 3 (1991 г.).

3Edward Shils, Center and Periphery: Essays in Macrosociology (Chicago, 1975), p. 261.

4М.С. Горбачев, Избранные речи и статьи, тт. 6 и 7 (Москва, Изво политической литературы, 1989, 1990). Издание продолжается. Последние беседы и интервью цитируются по публикациям в периодической печати.

5Первоначально воспоминания Ельцина появились в английском переводе в Америке. За этим сразу же последовала журнальная публикация, а вслед за ней целый ряд отдельных изданий. Здесь все ссылки делаются на следующее издание: Борис Ельцин, Исповедь на заданную тему, выпуск Ассоциации уральских издателей, с участием редакционно-издательского агентства Всероссийского фонда культуры, под редакцией В.И. Селиванова (Свердловск: Средне-Уральское книжное из-во, 1990).

6"Конфронтации, расколу общества -- нет, конструктивному сотрудничеству -- да! (Встреча М.С. Горбачева с представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии)," Известия 52 (1 марта 1991 г.), с. 2.

7Ответы на вопросы корреспондента Известий ЦК КПСС (май 1989 г.). Т. 7, с. 498.

828 ноября 1990 г. См. Известия 334 (1 декабря 1990 г.) под заголовком "Тревоги общества -- тревоги культуры". Интервью Дер Шпигель, Известия, 20 марта 1991 г.

9"Конфронтации, расколу общества -- нет, конструктивному сотрудничеству -- да! (Встреча М.С. Горбачева с представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии)," Известия 52 (1 марта 1991 г.), с. 2.

10Benedict Anderson, Imagined Communities.

11Исповедь

12Т. 6, с. 249.

13"Погодите, но ведь это государство тысячу лет формируется как многонациональное. И это наложило отпечаток на все, на всех нас. У нас в генах, и прежде всего у русских сидит это, сидит. И формировалось это государство в отличие от империй не за счет (хотя было, конечно и это) ограблений." Известия, 1дек. 1990 г.

14Известия, 25 марта 1991 г., с. 4.

15"Надо входить в новую демократическую жизнь, идти к гуманному демократическому социализму. Каким способом? Опять с топором? И снова загонять народ в эти демократические формы? Это, во-первых, неуважение людей, а во-вторых, пусть никто не претендует на положение мессии." "Выступление М.С. Горбачева 28 ноября 1990 г.", Известия 334 (1 декабря 1990 г.), с. 4.

16Известия, 25 марта 1991 г., с 4.

17"Мы должны оставаться на почве реальности, не впасть в иллюзии. Это было бы самое опасное. Еще раз хочу повторить -- знаем это по своему опыту. Иногда то, что мы знаем о нашей истории, приводит в такое состояние, что вот-вот можешь оказаться выбитым из колеи". "Интеллиганция перед лицом новых проблем социализма (Речь и заключительное слово на встрече с представителями польской интеллигенции в Королевском замке Варшавы 14 июля 1988 года". Т. 6, с. 462.

18Выступление А. Н. Яковлева в Кремле перед группой делегатов XXVIII Съезда КПСС "Демократическое единство" 4 июля 1991 г. Ма- гнитофонная запись. "[С самого начала] было две партии: партия идеи и партия власти. Долгое время руководство принадлежало пар- тии власти. Вот если удастся нам преобразить ее в партию идеи, тогда действительно это будет исторический подвиг. Не знаю, сможем ли."

19Выступление Горбачева 28 ноября 1990 г.", Известия 334 (1 декабря 1990 г.), с. 4.

20Известия, 1 декабря 1990 г., с. 3.

21Литературная газета 38 (18 сентября 1990 г.). Трактат опубликован одновременно в Комсомольской правде.

22"Конфронтации, расколу общества -- нет, конструктивному сотрудничеству -- да! (Встреча М.С. Горбачева с представителями

научной и творческой интеллигенции Белоруссии)," Известия 52 (1 марта 1991 г.), с 2.

23 Например, редактор Московских новостей Егор Яковлев.

24 "Конфронтации, расколу общества -- нет, конструктивному сотрудничеству -- да! (Встреча М.С. Горбачева с представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии)," Известия 52 (1 марта 1991 г.), с 2.

25 "Дер Шпигель", Известия, 25 марта 1991 г.

26 "Выступление Горбачева 28 ноября 1990 г.", Известия 334 (1 декабря 1990 г.), с. 4.

27 "Выступление Горбачева 28 ноября 1990 г.", Известия 334 (1 декабря 1990 г.), с. 4.

28 В этом отношении показательны слова А.Н. Яковлева в его беседе с представителями группы "демократическое единство" во время XXVIII съезда КПСС. Говоря о Хрущеве, Яковлев показывает двусмысленность его исторической деятельности -- с одной стороны, одного из самых жестоких членов сталинского политбюро, а с другой, исключительно мужественного политика, который поставил на карту всё, решив выступить со своей известной речью на XX съезде. Сквозь аналогичную призму смотрит Яковлев и на Брежнева и таких фигур брежневского времени, как Рашидов -- одновременно и преступники и жертвы системы (однако, последнее, как подчеркивает Яковлев не оправдывает их преступлений). Особенно интересно его высказывание о себе: "И я ходил в бой с винтовкой "За Родину, за Сталина". Да. я верил, честно верил. Такое у нас было положение. Поэтому я всегда спрашиваю: а мы кто? Мы - жертвы, мы, кто сумел выжить, -- тоже жертвы. Я как-то говорил, что и мы и партия -- жертвы."

29 Горбачев, т. 7, с. 498.

30 "Выступление Горбачева 28 ноября 1990 г.", Известия 334 (1 декабря 1990 г.), с. 4.

31 Известия, 1 марта 1991 г.

32 Т.е. замены его фатической и конативной функции на контекстную,

Copyright © (1992) by Gregory Freidin